14 января в библиотеке-филиале №4 прошло онлайн-мероприятие – литературная гостиная **«Мандельштам известный и неизвестный»**

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Давайте признаемся, что мы с вами нахлебники в культуре. Мы живем на ту культурную ренту, которую нам оставили в наследство, за просто так. Как, к примеру, нам подарены стихи Осипа Мандельштама – самого непонятного, самого невнятного и одного из величайших поэтов нашей эпохи.

У Мандельштама не было учителя. Откуда, из чего он произрастал - непонятно.

Когда заходит речь о Мандельштаме, то в большинстве случаев оказывается, что широко известны о нём две вещи: он написал эпиграмму на Сталина и что ближе всего по литературному творчеству к нему были акмеисты. Долгое время, с конца двадцатых годов прошлого века, Мандельштам был не то, чтобы запрещённым, но прочно забытым поэтом, никому не известным. Его биографам пришлось, наверное, нелегко – сведений о нём не так уж много, да они и достаточно противоречивые. Поэтому за основу разговора о нём лучше взять воспоминания его друзей. Мы не можем себе составить безошибочное представление о внешности поэта, каждый описывал его по-своему. Но вот о его духовном облике, облике человека, составить представление по воспоминаниям современников мы можем.

Когда Мандельштам читал свои стихи, многие вспоминают, что, глядя на его запрокинутое, мучительно-вдохновенное лицо, слушатели испытывали что-то похожее на священный страх – так были зримы и осязаемы его строки. Он сам ни на кого не был похож. Рассказывал о себе самые невероятные

истории. В издательстве «Всемирная литература» была одна достопримечательность – торговка Роза. Она устроила под лестницей что-то вроде продовольственной палатки и отпускала писателям продукты, чаще всего в долг. Она нещадно обвешивала и обсчитывала, но зато никогда не торопила с возвратом долга. Никого, кроме Мандельштама. И вот почему. Роза была умна и дальновидна. Она завела альбом, куда просила своих знаменитых клиентов написать ей «какой-нибудь хорошенький стишок». Все соглашались и делали записи в альбом, превознося в стихах и прозе все достоинства Розы. Роза благодарила и объясняла: «Ох, даже и подумать страшно, сколько будет стоить мой альбом, когда вы, с позволения сказать, все перемрёте». Когда она попросила о «стишке» Мандельштама, заодно напомнив ему о долге, он написал в альбоме:

Если грустишь, что тебе задолжал я 11 тысяч,
Помни, что 21 мог тебе задолжать я…!

Роза с гневом вырвала эту страницу, а Мандельштаму не стало прохода.

Поэт жил бездомно и безбытно – то в Москве, то в Ленинграде. Его собственные стихи нигде не публиковали, только переводы. Идеалы революции он принимает, но отвергает власть. Голос поэта замолк на 5 лет. И только в 1933 г., когда была написана эпиграмма на Сталина, Мандельштам смог вернуться к творчеству, не изменяя своей личности, своему достоинству, заветам культуры.

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.

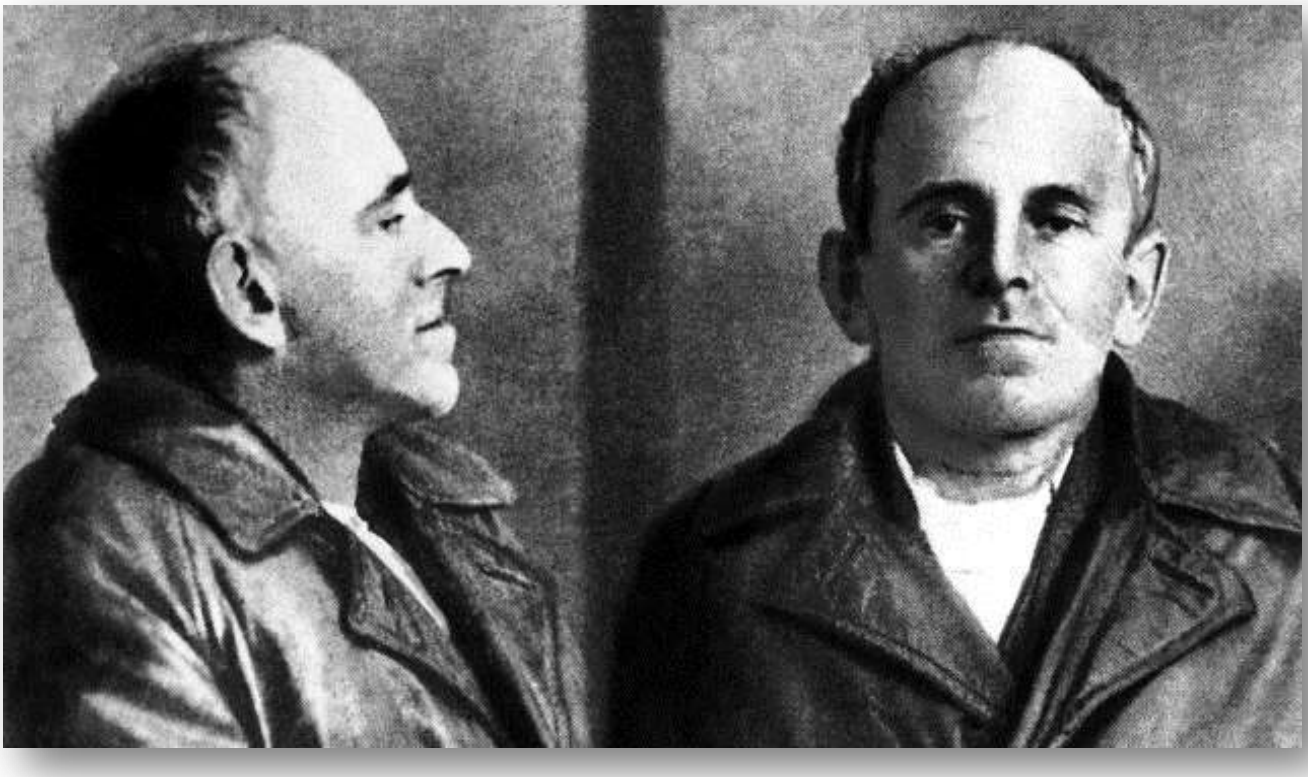
Там, где появлялся Мандельштам, всем становилось весело. Но все эти шутки, остроты, пародии расцветали лишь на людях. Когда он оставался один, от них не оставалось и следа. Он часто испытывал необъяснимый страх. Очень боялся людей в форме. Защищался от страха Мандельштам бытом: любил кататься на извозчике, любил сладости, пирожные, замирал и

подолгу стоял у лотков с фруктами. И ещё – постоянно был на людях. Но можно только представить, какие толщи страха он преодолевал иногда, играя с опасностью, как ребёнок с огнём. Чего стоит только его эпиграмма на Сталина!

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны.
А где хватит на полразговорца, -
Там помянут кремлёвского горца.

Необъяснимый страх оказался пророческим. В 1934 году он был арестован и отправлен в ссылку в Чердынь, потом в Воронеж. Здесь были написаны три воронежские тетради.

Я к губам подношу эту зелень,
Эту клейкую клятву листов,
Эту клятвопреступную землю,
Мать подснежников, клёнов, дубков.



После ссылки в Москву его не пустили. Он пишет: «Я поставлен в положение собаки, пса. Я – тень, меня нет. У меня есть только право умереть…»

Ровно через год он был вновь арестован.

Мы не знаем наверняка, как умер Мандельштам. И даже не знаем точно место его гибели. По одной из версий, в пересыльном лагере под Владивостоком. В том самом лагере, где он встретил свою смерть на исходе 1938 года, никто, говорят, не звал, да и не знал этого арестанта по имени. Поэт – так его там окликали…

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный дёготь труда…
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.
И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.
Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи,
Как, нацелясь на смерть, городки зашибают в саду,-
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.

Мероприятие подготовила и провела Сафарова Т.А.,
библиотекарь модельной библиотеки-филиала №4.